

Журнал
Российской
государственной
библиотеки

ISSN 0869-608X

6 февраля 2003 г.

— заседание Совета
при Президенте
Российской
Федерации по
культуре и искусству

Стр. 7

Юбилей РГБ

Российской
государственной
библиотеке — 175 лет:
вехи истории

Стр. 8

В.Ф. Молчанов
Петербургский период
истории Российской
государственной
библиотеки. 1828—
1861 гг.

Стр. 16

На перекрестке мнений

**Л.Г. Тупчиенко-
Кадырова**
Информатизация
библиотеки, пути
преобразования

Стр. 40

Книга и время

В.С. Астраханский
Находки на страницах
книг В.Н. Татищева (по
фондам РГБ)

Стр. 58

Портрет библиотеки

**О.Е. Балкова,
Е.М. Моисеева**
Роль Псковской
областной
универсальной
научной библиотеки
в культурной жизни
региона

Стр. 88

Библиотека и время

Н.В. Смирнова
«Пока жива
библиотека — жив
народ» (о библиотеках
и библиотекарях
Зарайска)

Стр. 98

*Редакция поздравляет
уважаемую
Любовь Моисеевну Равич
с юбилеем, желает
здоровья, счастья,
творческого долголетия*

Любовь Моисеевна Равич,
кандидат
педагогических наук,
Санкт-Петербург

Григорий Николаевич Геннади как издатель и редактор

Подобно многим книговедам своего времени, Г.Н. Геннади (1826—1880) выступал и на издательском поприще. Располагая достаточными средствами, он мог позволить себе испробовать силы в издательском деле; не гоняясь за наживой, мог издавать не те книги, которые принесли бы верную прибыль, а те, что были ему по душе. Еще в юношеском дневнике, размышляя на тему о том, «что можно сделать для русской литературы», Геннади писал: «издать дельно сочинения русских классиков, издать сказочный сборник русских и иностранных сказок, издать историю Петра I для детей» (1845). Непосредственно к издательской деятельности Геннади приступил значительно позже — в 1859 г., уже будучи известным книговедом, автором «Литературы русской библиографии». Увлечение издательским делом продолжалось недолго — до 1866 г.; однако за этот промежуток им было издано шесть книг, — вполне достаточно, чтобы составить более или менее верное представление о Геннади как издателе. Энергия и непрактичность, мирно уживавшиеся в натуре Геннади, привели к тому, что ни одно из его изданий не имело успеха. Более того: как раз издательская деятельность принесла ему наибольшее количество неприятностей; как раз она-то и стала излюбленной мишенью для острот современников. Оснований для этого, увы, хватало.

Первым детищем Геннади на издательском поприще была «Жизнь Ваньки Каина, им самим

Л.М. Равич — (р. 14.02.1923) — известный в России и за рубежом автор, историк отечественной библиографии и книжного дела. Работала заведующей справочно-библиографическим отделом Псковской областной библиотеки, преподавателем Ленинградского библиотечного института.

Среди работ Л.М. Равич — статьи о деятелях русской книжной культуры — П.Я. Ефремове, А.Н. Афанасьеве, В.Д. Комовском и других в журналах «Мир библиографии», «Советская библиография»; монографии «Г.Н. Геннади», «Евгений Иванович Якушкин» и др.

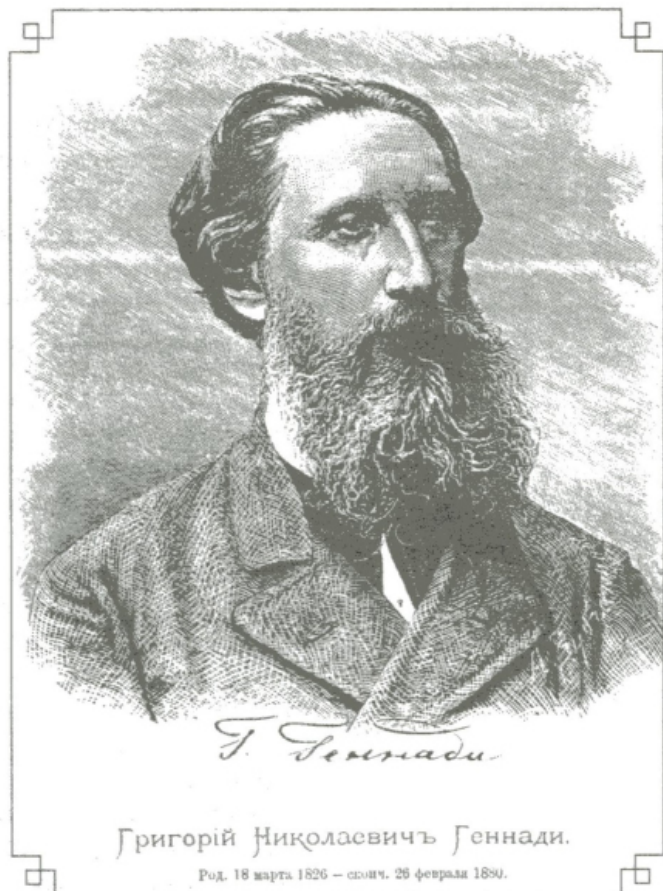
Предмет научных интересов Л.М. Равич — возникновение в России текущей библиографической регистрации и информации, история русской культуры через призму истории книговедения.

рассказанная» — перепечатка старинной повести, сделанная не с первого издания, да к тому же без народных «разбойничьих» песен, характерных для ранних изданий этой книги. Последнее обстоятельство дало неутомимому С.А. Соболевскому повод для сочинения эпиграммы:

«За то, что жизнь ярыжника
Без песен он издал,
Я бы Григорья Книжника
Порядком наказал.
Уж подучу Игнатьева,
Что следует ему
И сечь его и гнать его
В московскую тюрьму.
Никак не буду в горе я,
Коль перед тем, как сечь,
Он скажет в честь Григория
Хоть вот такую речь:
Вам жить в Москве — не в Порте ли?
Москва не то, что Питер,
Здесь много перепортили
Бумаг, чернил и литер.
Из них уж не две трети ли
Вы, вы перемарали,
А мы у вас не встретили
На грош в пере морали».

«Надо заметить, — говорилось в комментариях к публикации этой эпиграммы, — что в то время в Петербурге происходили студенческие волнения, и заявлялась мысль о необходимости подвергать зачинщиков волнений телесному наказанию»¹. Вернее было бы предположить другую подоплеку этого стихотворения. Дело в том, что как раз к 1859 г. относятся гонения на лубочную литературу. П.Н. Игнатьев, занимавший в 1857—1861 гг. должность петербургского генерал-губернатора, отличился и на этом поприще. 17 мая 1859 г. А.В. Никитенко записывает в своем «Дневнике»: «В главном управлении училищ генерал-губернатор <П.Н. Игнатьев> напал на несчастные листки, которых развелось ныне множество и которые продаются на улицах по пяти копеек. Это его пугает. Между тем в этих листках нет ничего ни умного, ни опасного. <...> Да и что это за система — все запрещать? К чему только протянет руку русский человек самым невинным образом, тотчас и бить его по рукам!»². Но как бы там ни было, — эпиграмма Соболевского направлена не только против Геннади. Это — вне всякого сомнения — эпиграмма политическая, и концовка «речи» Игнатьева: «А мы у вас не встретили на грош в пере морали», — явственно переключается с записью Никитенко.

Периодическая печать того времени встретила издание «Жизни Ваньки Каина» по-разному. «Отечественные записки» ограничились пересказом содержания книги. Строгое «Русское слово»

Гравюра на дереве (из собрания А.П. Толстякова).
Автор А. Зубчанинов

сочло «небольшую книжку г. Геннади» изданной «очень опрятно и мило, просто и вместе с тем красиво»³. Совсем по-другому — в рецензии «Современника». «История Ваньки Каина, — писал Н.А. Добролюбов, — издана Григорием Книжником, следовательно в ней нужно искать интереса библиографического. Незнакомые с библиографией, мы просили одного из друзей наших, непризнанного, но страстного библиографа, рассмотреть это издание Григория Книжника с библиографической и историко-литературной точки зрения. Друг наш объявил нам, что «Жизнь Ваньки Каина» представляет чрезвычайно важное пособие для истории литературы и особенно для объяснения сочинений князя Антиоха Кантемира»⁴. Ирония рецензента касается не качества издания, а самого выбора книги для публикации. Известно нетерпимое отношение «Современника» к темам, которые редакция журнала считала неактуальными. Столь же насмешливо были встречены Добролюбовым переиздания «Поденьщины», «Пустомели» и «Кошелька» Н.И. Новикова, осуществленные в 1858 г. А.Н. Афанасьевым, и другие издания подобного рода, предпринимавшиеся к радости книгособрателей библиографами 1850-х гг. Качество издания в рецензии Добролюбова не является предметом критики; под сомнение ставится целесообразность переиздания тех памятников старой русской литературы, которые не могут служить «современным интересам». В этом смысле по-

зиция «Современника» по отношению к работам библиографов 1850-х гг. была вполне последовательной. Однако насмешки над «Ванькой Каином» покажутся детски-добродушными по сравнению с теми, которые обрушились на следующее издание Геннади. Это были пресловутые «Эротические стихотворения русских поэтов» (1860). Справедливости ради отметим, что Геннади проявил не слишком много вкуса, собрав в одной небольшой книжке стихи Пушкина и Зотова, Боратынского и Милькеева. Крайне неудачным, даже бестактным было и название сборника, тем более, что никакой эротики в нем не содержалось.

Пресса встретила это издание безоговорочным осуждением. Анонимный рецензент «Русского слова» писал: «Мы бы хотели сказать несколько слов по поводу «Эротических стихотворений», о пользе хороших антологий, об обилии их за границей и о совершенном отсутствии у нас; но можно ли говорить о чем-нибудь порядочном по случаю пошлой книжонки, составитель которой одинаково восхищается стихами Пушкина <...> и виршами, сфабрикованными в поте лица князем И.М. Долгоруким»⁵. «Откровенно признаемся, — пишет и рецензент «Библиотеки для чтения», — что не совсем понимаем цель, с какою издана эта красивая книжка. <...> Псевдоним составителя книжки, если мы не ошибаемся, скрывает имя писателя, честно известного своими библиографическими трудами, никогда не пускавшего на издательские аферы и не имеющего никаких побуждений к подобным предприятиям. Для чего же литератор, скрывающийся под именем Григория Книжника, вздумал собрать весь этот любовный винегрет?»⁶. Здесь чувствуется скорее не возмущение, а сожаление, что известный своей честностью, бескорыстием и научной добросовестностью человек пустился на такое легкомысленное предприятие.

Совсем иной тон у Н.А. Добролюбова — автора рецензии в «Современнике». «Этот таинственный книжник не в первый раз уже, под покровом библиографии, является в публику с расчетом на выгодную аферу. В прошлом году он издал ученым образом, библиографически, «Ваньку Каина», и мы в свое время разобрали это издание, — тоже, помнится, с учеными примечаниями. Теперь почтенный книжник, от разбоя переходя к сладострастию, издал «Эротические стихотворения русских поэтов». <...> По шарлатанству своему книжонка эта принадлежит к тому же роду, что и «Правда о мужчине и женщине», «Атака женских сердец», «Улика пылких женщин» и пр. По наглости и тупоумию — она превосходит их»⁷.

Следует иметь в виду, что крайне отрицательное отношение «Современника» к этому изданию, высказанное к тому же очень грубым тоном, объясняется не только его недостатками, но и неприятием «чистой» лирики, в особенности поэтов XVIII в. Вполне прав А.Л. Максимович, убедительно объяснивший причины столь резкого, даже издевательского тона рецензии Н.А. Добролюбова: «Сборник «Эротические стихотворения» возмущал критиков беспринципной пестротой своего состава: в нем, наряду с «признанными классиками» — Пушкиным, Боратынским, — были перепечатаны стихотворения третьестепенных поэтов (Бороздны, Вуича, Зотова, Милькеева и пр.) или поэтов хотя и значительных, но принадлежавших допушкинской поре и потому отвергавшихся демократической критикой 50-х годов (как, например, Мерзлякова или Нелединского-Мелецкого). «Современник» встретил сборник уничтожающей рецензией, в которой Григорий Книжник был отождествлен с литературными предпринимателями, издателями бульварно-порнографической литературы. В действительности, в сборник Геннади входила только высокая лирика на тему о любви вообще; никакой «эротики» в специфическом смысле этого слова в ней не было, как не было и «площадной» песни «Ванька Таньку полюбил», упоминаемой в комментируемом фельетоне (если эти слова не относятся к «псевдонародным» песням — романсам Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова, Вельтмана, равно неприемлемым для демократической критики 50—60-х годов). Но отрицательное отношение «Современника» к сборнику Геннади вполне последовательно: ведь Добролюбов даже о таких стихотворениях Пушкина, как «Я вас любил, любовь еще

быть может» и «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» именно в это время отзывался более чем холодно»⁸.

Следующие два издания, предпринятые Г.Н. Геннади: «Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй» (1862) и «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II» (1865) — вызвали в печати отзывы совсем иного рода.

Наиболее благожелательный отзыв об издании «Памятные записки А.В. Храповицкого...» был помещен в «Современнике». Это — рецензия А.И. Пыпина, выдержанная в строго академическом тоне⁹. Дело в том, что издание Геннади было действительно первым полным воспроизведением этого интереснейшего документа, сделанным к тому же по двум рукописным спискам, один из которых принадлежал самому издателю. Поэтому, несмотря на некоторую небрежность издания, оно все же было благожелательно встречено журналистикой и общественностью. Но на этот раз с суровой критикой в адрес Геннади выступил свой же брат-ученый. В обстоятельной рецензии Д.В. Поленова, помещенной в «Русском архиве»¹⁰, издание Геннади было названо неудовлетворительным; в особенности досталось издателю за примечания, который ученый оппонент не без основания счел поверхностными и случайными. Тем не менее издание широко использовалось для научной работы. В 1864 г. в том же «Русском архиве» был напечатан составленный по поручению П.И. Бартенева «Азбучный указатель лиц» к «Запискам Храповицкого», что, конечно, значительно облегчило пользование ими.

В издании «Записок графа Сегюра» Геннади выступил и как переводчик, и как комментатор. Чрезвычайно интересная книга Сегюра была переведена им с некоторыми сокращениями, и это вменялось ему в вину. Однако можно предположить, что часть из них — попросту цензурные купюры. Из опубликованной переписки Геннади с Я.П. Полонским видно, что эту книгу не так-то просто было провести через цензурные препоны.

В целом, перевод, сделанный Геннади, может считаться вполне удовлетворительным. Однако комментарии к данному изданию так же поверхностны, как и в «Записках Храповицкого». В периодической печати того времени издание «Записок графа Сегюра» вызвало многочисленные, в основном благожелательные, отзывы. Хвалили, однако, больше замысел, чем исполнение. Самый подробный отзыв поместил «Русский архив». Рецензент (М.Ф. Шугуров) писал: «В настоящее время, когда возбужден особенный интерес к царствованию Екатерины II, явился как нельзя более кстати русский перевод Записок графа Сегюра. Занимательность и важность этого сочинения, из которого до сих пор известны были у нас в пере-

воде только незначительные отрывки <...> давно уже признаны всеми, занимающимися изучением великого царствования»¹¹. Характеризуя само издание, рецензент отмечает слабость примечаний, которые «почти все состоят в голом обозначении годов рождения и смерти, чинов и служебных повышений упоминаемых в Записках лиц».

Не стязав себе славы в качестве издателя научных трудов, Геннади обратился к выпуску иллюстрированных книг. Для начала он выбрал сказку В.Д. Урусовой «Маленькие души», для которой заказал в Берлине рисунки и литографированную обложку. Эта «фантастическая сказка для детей» вышла в свет в 1865 г. в Москве и сразу же была встречена экспромтом С.А. Соболевского:

«Пускаете турусы вы,
Турусы на колесах, —
А там княжны Урусовы
По вас чуть не в плересах»¹².

Дело в том, что книжка изобиловала чудовищными типографскими погрешностями — опечатками, пропусками целых страниц и т. п., так что никакие нарядные и очень дорогие картинки не могли сделать издание привлекательным. Правда, в этом не было непосредственной вины Геннади, но как издатель он нес долю ответственности за все дефекты.

Наконец, последним его опытом на ниве издательской деятельности можно считать попытку издания альбома репродукций, сделанных с собственного собрания гравюр¹³. Она, увы, закончилась полной неудачей. После 1866 г. Геннади уже ни разу не выступал в качестве издателя, очевидно, осознав, что эта деятельность ему не по силам.

Любопытной страницей деятельности Г.Н. Геннади стало редактирование им двух изданий сочинений А.С. Пушкина, предпринятых Я.А. Исаковым в 1859 и 1869—1871 гг. Издание сочинений поэта осложнялось тем, что рукописи произведений, хранившиеся в его семье, были недоступны большинству издателей. Первое посмертное Собрание сочинений А.С. Пушкина, вышедшее под редакцией В.А. Жуковского, считалось даже по тем временам неудовлетворительным. Второе — семитомное издание, осуществленное П.В. Анненковым в 1855—1858 гг., было уже гораздо лучше. Его появление расценивалось в то время как большое общественное событие. «Забыв» все свои нападки на А.С. Пушкина, Н.А. Добролюбов писал: «Все еще помнят, вероятно, какой живой восторг возбуждало три года тому назад во всей читающей публике известие о новом издании Пушкина, под редакцией г. Анненкова. После вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или восемь лет перед тем, это издание, действительно, было событием не только литературным, но и общественным. Русские, любившие Пушкина как честь

своей родины, как одного из вождей ее просвещения, давно уже пламенно желали нового издания его сочинений, достойного его памяти, и встретили предприятие г. Анненкова с восхищением и благодарностью»¹⁴.

У П.В. Анненкова было огромное преимущество по сравнению с последующими издателями сочинений А.С. Пушкина — ему были доступны рукописи поэта. Н.А. Добролюбов полагал это очень простым делом: «г. Анненков, — пишет он в той же рецензии, — взял просто рукописи Пушкина, да с них и перепечатал большую часть его стихотворений». В действительности же все было не так «просто». Издание П.В. Анненкова соответствовало установкам «эстетической» школы, допускавшей достаточно вольное обращение с текстами и с распределением их по жанрам. В сущности, даже в момент своего появления издание П.В. Анненкова было уже анахронизмом; и ко времени выхода последнего тома вовсе не отвечало требованиям бурно развивавшейся тогда новой «библиографической» науки — текстологии. «Эдидиционно-текстологическая деятельность, как отмечал историк текстологии А.Л. Гришунин, становится в это время на научную основу, осознается как дело ответственное и важное. В задачу библиографа вменялось не только путем библиографического описания сделать книгу известной, но и определить качество издания, сличая тексты различных изданий, указывая источники, приводя варианты и т. п. Основными задачами текстологических разысканий этого времени стали достижения абсолютной полноты в собраниях сочинений и хронологический принцип в расположении произведений, так как для уяснения духа и смысла эпохи недостаточно было знакомства только с главными произведениями писателя, для этого нужен был он весь, в его последовательном развитии. В связи с этим пробуждается интерес к проблемам атрибуции и датировки»¹⁵.

С обоснованием последних в журнале «Современник» в 1856 г. выступил М.Н. Лонгинов, который писал о насущной потребности «выводить общие заключения о духе писателя, отношениях его к веку и взаимном воздействии века и писателя друг на друга», в связи с чем «знакомство со всем, что написано известным лицом, сделалось совершенно необходимо». Многочисленные разыскания и публикации библиографов 1850-х гг. и ставили перед собой эту цель — собрать всё, все «мелочи», без которых уже невозможным представлялось не только изучение историко-литературного процесса, но и полноценное издание собраний сочинений отдельных писателей. «Руководящей идеей библиографического периода, — подчеркивает А.Л. Гришунин, — было сознание того, что критической оценке творчества писателя и его общелитературоведческой интерпретации должно предшествовать исправное и полное издание его сочинений. <...> Библиографический период в истории русской текстологии, в значительной мере «собираательный», обеспечил будущее развитие текстологической практики и подготовил появление во второй половине XIX в. основательно построенных научных изданий»¹⁶.

Требования новой «библиографической» школы были прямо противоположны установкам «эстетиков». Позиции «эстетической» школы в 1850-х гг. (и позднее) защищались группой либерально-дворянских литераторов, апологетов «чистого искусства», которые не принимали новых веяний. А.Д. Галахов, П.А. Вяземский, тот же П.В. Анненков «ломали перья» в борьбе с «библиографами». «Однако «библиографизм», — отмечает А.Л. Гришунин, — действительно соответствовавший потребности времени накапливать факты истории литературы и общественной мысли для последующего их осмысления, одержал все-таки верх». Но эта победа была еще впереди, а пока, во второй половине 1850-х гг., издание П.В. Анненкова, не отвечавшее требованиям новой текстологической науки, вызвало восторженные отзывы публики и прессы и претендовало называться образцовым.

В этих условиях Я.А. Исаков задумывает издание третьего Полного собрания сочинений А.С. Пушкина и для редактирования приглашает библиографа новой генерации — Г.Н. Геннади. В соответствии с требованиями своей школы тот ставит перед собой три задачи: собрать все (включая варианты и черновые наброски), написанное великим поэтом,

по возможности осуществить достоверную датировку и разместить произведения в хронологическом порядке их написания, снабдить издание солидным справочно-библиографическим аппаратом. В отличие от В.А. Жуковского и П.В. Анненкова, Г.Н. Геннади не имел доступа к рукописям А.С. Пушкина. Ему пришлось ограничиться использованием опубликованных ранее текстов и теми разысканиями, которые были сделаны его соратниками Н.М. Лонгиновым, С.Д. Полторацким, С.А. Соболевским и им самим. Опыта редакторской работы у Геннади не было вовсе. Кроме того, он жил тогда то в деревне, то за границей, то в своем имении и не мог уделить изданию достаточно времени и внимания. Править корректуру, по его собственному признанию, он тоже не умел. В результате издание вышло с массой типографских погрешностей, пропусков и ошибок (впрочем, вполне в духе времени).

Биограф Г.Н. Геннади — У.Г. Иваск опубликовал письмо к нему книгопродавца Н.Г. Мартынова, служившего в 1850-х гг. в магазине Я.А. Исакова. Поскольку книга Иваска о Геннади давно стала уже библиографической редкостью, позволим себе привести здесь это письмо целиком.

«Когда Яков Алексеевич Исаков приобрел литературное право на издание сочинений Пушкина и поручил редакцию этого издания Григорию Николаевичу Геннади, то мне, как помощнику заведующего изданиями, приходилось очень часто иметь сношения с Григорием Николаевичем. При начале издания сочинений Пушкина мне потребовалось по делам магазина поехать в Москву. Будучи в Москве, я, по совету Геннади, посетил С.А. Соболевского и П.И. Бартенева, чтобы просить их указать какие-либо источники и дополнения к новому изданию Пушкина. Оба очень радушно меня приняли, были довольны таким приглашением и, хотя ничего не дали пока, просили присылать корректуры, обещав делать дополнения, а также сообщать сведения о Пушкине, по мере печатания произведений последнего. Когда я возвратился в Петербург, то, с согласия Геннади, начал посылать корректуры тому и другому, но затем наступило разочарование. После третьего листа оба от своего обещания отказались, не желая вмешиваться, по их отзыву, в неряшливую редакцию Г.Н. Геннади. Геннади сделал большую ошибку, что так опрометчиво взялся за редактирование сочинений Пушкина. Его работа была случайная, урывками. Живя вне Петербурга, он и не мог пользоваться в достаточной степени всем необходимым материалом. Григорий Николаевич был человек сердечный, совершенно бескорыстный. Я уверен, что он взялся за редакцию сочинений Пушкина не корысти ради, а из любви к библиографии. Он хотел испробовать свои силы и, конечно, не лишен был и честолюбивого увлечения; ведь каждому библиографу приятно связать свое имя редактора с

таким великим именем, как А.С. Пушкин. Могут еще поведать, что с Исакова он получил гонорара за всю работу, т. е. за редактирование и корректуру шести томов и приложения к ним (около 200 печатных листов) всего 300 рублей. Позднее, в 1880 г., за редакцию третьего исаковского издания сочинений Пушкина, П.А. Ефремову было уплачено 2400 рублей»¹⁷.

Это письмо Н.Г. Мартынова к У.Г. Иваску написано в 1911 г., спустя столетия после изложенных в нем событий. Пожалуй, самое любопытное в нем — рассказ об отношении С.А. Соболевского и П.И. Бартенева к изданию и к работе Геннади. Оба они — страстные пушкинисты — убоялись вмешательства в это дело. И было от чего. Геннади применил в этом издании прием, ставший затем традиционным, но в то время воспринятый как нечто неслыханное и возмутительное, — черновые варианты стихотворений А.С. Пушкина были вставлены им прямо в текст (выделяясь, правда, скобками или курсивом). Именно это, а не неряшливая редакция, вменялось в вину Геннади современной ему критикой. Действительно, в своем стремлении к абсолютной полноте, в желании сохранить каждое слово, вышедшее из-под пера любимого поэта, Геннади не знал никакой меры. Если в свое время, редактируя первое посмертное Собрание сочинений А.С. Пушкина, В.А. Жуковский позволял себе исправлять и приглаживать стихи мятежного ученика, то библиографы 1850-х гг., напротив, с благоговением относились даже к строчкам, забракованным самим поэтом. Ни теория, ни практика текстологической работы не могли еще подсказать правильного решения в этом случае; основы композиции так называемых академических изданий еще не были разработаны. Геннади действовал на свой страх и риск, по своему разумению. Ведь редактировавшееся им издание было первым, основанным на принципах «библиографизма». Пионерам же всегда трудно, и ошибки здесь неизбежны. Все это, естественно, не было принято во внимание его современниками. Редактирование сочинений А.С. Пушкина не принесло Геннади ничего, кроме глумления и насмешек. Эпиграмма С.А. Соболевского («О жертва бедная...») общеизвестна и, понятно, никакого значения для оценки работы Геннади иметь не может.

Несколько большего внимания заслуживает фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина», напечатанный в «Современнике»¹⁸, в котором зло высмеивался как раз способ печатания вариантов в самом тексте. «Г. Геннади, — писал автор фельетона, — становясь теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта». Выступая от имени рядового читателя (фельетон построен в

форме письма из провинции), автор сетует на то, что он не узнает «любимых пьес», искаженных редакторской работой Геннади. Он, дескать, «человек неученый» и никак не может понять, что это за наука такая — библиография и для чего она вмешивается в такое простое дело, как переиздание стихотворений Пушкина.

Этот анонимный фельетон был приписан Н.А. Некрасову А. Максимовичем. Вводя его в «некрасоведческий» оборот, он писал: «Направленное конкретно против редактора этого издания, «известного библиографа и библиофила» Г.Н. Геннади, выступление Некрасова включалось в тот общий поход против «библиографии», который был провозглашен Добролюбовым с первых его шагов на журнальном поприще»¹⁹. Мысль эта представляется вполне правильной: только в русле «общего похода» и возможен был подобный выпад против издания, правда, далеко не совершенного, но содержавшего громадный запас материала. Ведь именно к этому изданию был приложен дополнительный том, включивший первую в России «пушкиниану», составленную Геннади и получившую одобрительные отзывы современной прессы.

Если автором фельетона был действительно Н.А. Некрасов, любивший посмеяться над Геннади и библиографией вообще, тогда это не вызывает удивления. Но в 1953 г. появилась работа А.Ф. Захаркина («Новые материалы о поэте-революционере М.Л. Михайлове»), в которой автором фельетона «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» называется уже не Н.А. Некрасов, а М.Л. Михайлов. Доказательства, приведенные А.Ф. Захаркиным в защиту этой атрибуции, как будто заслуживают внимания. Это — анализ конторских книг «Современника». Правда, в них не указано, что автором этого фельетона был М.Л. Михайлов, но ему было уплачено за три страницы в «Свистке» за декабрь 1860 г., а только в фельетоне о Геннади было ровно три страницы. Чувствуя недостаточную убедительность этого аргумента, А.Ф. Захаркин приводит еще одно доказательство: в неопубликованном библиографическом указателе произведений М.Л. Михайлова, составленном Н.В. Гербелем и приложенном к невышедшим в свет (1866) сочинениям поэта (уникальный экземпляр этого издания хранится в Российской государственной библиотеке), прямо указано, что автором этого фельетона является М.Л. Михайлов. Это, безусловно, более серьезное, но тоже не абсолютно надежное доказательство. Библиография эта, составленная Н.В. Гербелем после смерти М.Л. Михайлова, содержит ряд пропусков, ошибок и во многом опирается лишь на устные предания.

Разумеется, не располагая никакими дополнительными данными, очень трудно оспаривать мнение А.Ф. Захаркина, но тем не менее авторство М.Л. Михайлова представляется маловероятным. Прежде всего, он — близкий приятель Геннади, часто с ним встречавшийся и состоявший в переписке, нежно им любимый. Зная исключительное, рыцарское благородство М.Л. Михайлова, трудно представить себе его в роли человека, публично издающегося над своим близким знакомым. К «общему походу» против библиографии М.Л. Михайлов, сам заядлый библиофил и библиограф, естественно, тоже не мог иметь отношения. Напротив, как раз в это время он активно сотрудничает с «Библиографическими записками», журналом, олицетворявшем собой именно ту библиографию, которую так не любил Н.А. Добролюбов.

Близкий к «Современнику» по целому ряду деловых и дружеских связей, М.Л. Михайлов не разделял отрицательного отношения редакции журнала к библиографизму, — хотя бы уже потому, что сам к нему принадлежал. Наконец, и это почему-то умалчивается историками, М.Л. Михайлов был чуть ли не единственным критиком, благожелательно отозвавшимся о редакторской работе Геннади. В том же 1860 г., рецензируя в «Русском слове» издание произведений М.Ю. Лермонтова, подготовленное С.С. Дудышкиным, М.Л. Михайлов писал: «Стыдно сказать, а между тем это правда: ни одного из наших писателей до Пушкина не издано у нас мало-мальски порядочно. <...> В

последнее время явилось, впрочем, с легкой руки П.В. Анненкова, образцово издавшего Пушкина, несколько тщательных и выполненных со знанием дела изданий. Таково исаковское издание «Сочинений Пушкина», которое, после анненковско-го, могло бы быть, впрочем, и более правильно в корректурном отношении»²⁰.

Трудно себе представить, чтобы в мае 1860 г. М.Л. Михайлов считал издание Г.Н. Геннади «тщательным и выполненным со знанием дела», а в декабре того же года — никуда не годным и заслуживающим только издевательского фельетона. Гораздо легче предположить, что прав А. Максимович и что автором этого фельетона является Н.А. Некрасов. Но как бы то ни было, «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» — это одно из звеньев полемики «Современника» с «библиографизмом» в целом.

В 1869—1871 гг. Геннади был опять приглашен Я.А. Исаковым для редактирования Сочинений А.С. Пушкина. На этот раз в издание редактор включил некоторые вновь найденные и опубликованные за эти годы стихотворения поэта, но все же неполнота издания бросалась в глаза, и Геннади был подвергнут за это критике. Особенно суровым оказался рецензент «Вестника Европы», и Геннади счел нужным ответить ему на страницах этого же журнала. Оказывается, дело было вовсе не в небрежности редактора. «Для пополнения этого <первого> тома, после первого издания, — пишет Геннади, — я воспользовался всеми указаниями и пьесами, появившимися в периодических изданиях после 1-го издания. Все вставки и выпущенные места, указанные в вашей рецензии, находились в подготовленном мною для печати первом томе, но они были зачеркнуты частью издателем, частью цензором, к которому были представлены. Этой участи были подвергнуты даже некоторые места и пьесы, уже прежде дважды напечатанные в русских изданиях. Из таких пьес, появившихся в лейпцигском дополнении к изданию г. Исакова, пропущены были цензурою только пьесы: «К Лукуллу», «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна» и несколько эпиграмм. Приготовив к печати текст, подвергнутый после предварительной цензуры, и переделав свои замечания, я передал их издателю: вот в чем состояла моя редакция»²¹. Редакция «Вестника Европы» снабдила заметку Геннади примечанием: «Мы имели случай убедиться лично в полной справедливости этих слов, так как автор при настоящем письме представил в редакцию и экземпляр, служивший типографии оригиналом для набора первого тома». Таким образом, обвинение в нерадивости было с Геннади снято; тем не менее ярлык «незадачливого издателя сочинений Пушкина» закрепился за ним навечно.

Но вот Геннади умер, и следующее исаковское издание сочинений А.С. Пушкина выходит уже под редакцией П.А. Ефремова, не меньше (если

не больше) других глумившегося в свое время над Геннади-редактором. Это издание (1880—1881 гг.) было не только лучше предыдущих, но с еще большей убедительностью продемонстрировало все излишества «библиографизма». Варианты, так же, как у Геннади, были впечатаны в основной текст; комментарии (уже в отличие от Геннади) имели весьма нескромный характер, близкий к саморекламе и имевший целью опорочить прежних редакторов сочинений А.С. Пушкина, в том числе и П.В. Анненкова. Сильно задетый, тот выступил на страницах «Вестника Европы» с отповедью П.А. Ефремову. «Он, — пишет Анненков о Ефремове, — умеет высказывать длинные замечания тоном водевиллиста и может быть по справедливости назван творцом нового рода увеселительной библиографии. <...> Издание г. Исакова имеет и весьма поучительную сторону: оно может считаться своего рода знаменем времени в том смысле, что вполне обнаруживает сущность направления, принятого одной и довольно значительной частью наших деятелей на почве исторической и биографической литературы. Это цветок, выросший в школе тех археологов и изыскателей, которые, освободив себя от труда мышления, заменили его трудом простого собирания документов, сличения разностей между текстами, перечета отметок, какие существуют на различных актах и тому подобными предварительными работами, считая их за самую науку исторических и литературных исследований и устраняя, как излишество, критику и оценку приобретенных фактов по существу»²².

П.В. Анненков бросает библиографам точно такие же обвинения, какие им предъявлял за 20 лет до этого Н.А. Добролюбов. Но времена изменились; в 1880-е гг. библиографизм уже не был гонимым течением, и редакция «Вестника Европы», поместившая гневную статью П.В. Анненкова, тут же поспешила от него отмежеваться.

«Справедливо, — сказано в «Оговорке» от редакции, — что наша история и биография новейшего времени страдают указанными недостатками, но не должно забыть и значительных услуг, оказанных ими — новыми археографами и библиографами. Не всегда они так мелочны. Напротив, они именно вывели на свет много фактов, совсем неизвестных прежним исследователям; они сделали много для предварительной очистки текстов писателей, собрали массу данных для литературной биографии»²³.

Столкновение П.В. Анненкова с П.А. Ефремовым вылилось в широкую газетно-журнальную полемику, в которой принял участие и М.Е. Салтыков-Щедрин (12-е «Письмо к тетеньке»). Это была последняя битва библиографов с их противниками. Уже в 1890-е гг. трудами Л.Н. Майкова и В.И. Сайтова в русском литературоведении стала складываться «историко-фактическая» школа, одной из основных

методологических посылок которой было как раз признание решающего значения для истории литературы библиографических разысканий и публикации текстов. Эта школа, выросшая из «библиографизма» 50—60-х гг. XIX в., сделала чрезвычайно много для развития текстологической практики и науки.

Редакторская и текстологическая работа Г.Н. Геннади стоит у самых истоков русской текстологии. Еще очень неумело, ошибаясь во многом, он тем не менее пошел по верному пути — по пути, на котором у него не было ни учителей, ни предшественников. Осуждаемый и демократической, и эстетической критикой, «библиографизм» неуклонно пробивал себе дорогу, накапливая сокровища для построения научно обоснованной истории литературы. Г.Н. Геннади шел в авангарде этого движения; естественно, что ему и доставались первые удары. Но главной его ошибкой (да и Ефремова) как редактора Сочинений А.С. Пушкина было несоответствие характера издания «потребителю». Издания Я.А. Исакова предназначались широким кругам читающей публики, а принципы, которыми руководствовался Геннади, были применимы разве что для академических изданий. Обилие черновиков и вариантов (не говоря уже о нелепом методе внесения их прямо в текст) явно перегружали издание и вовсе не интересовали рядового читателя. Таким образом получался разрыв между идеей издания и его читательским адресом. Вместе с тем должно помнить, что издания, осуществленные под редакцией П.А. Ефремова и Г.Н. Геннади, содержали богатейший материал для выяснения творческой лаборатории великого поэта, и этот материал был с успехом использован позднее пушкиноведением. Критике, таким образом, должно подлежать не содержание изданий, а лишь их композиция. Повторяем, что ни теория, ни практика издательского дела не могли еще в то время подсказать верного решения, что ошибки и промахи библиографов-издателей были выражением даже не столько их личных качеств, сколько общего состояния эдиционно-текстологической науки того времени. При всех крайностях «библиографизма» будущее все же было за ним, а не за «эстетической школой», позволявшей себе вольное обращение с текстами и чуждавшейся всякой «фактологии», как сухой и неинтересной материи.

Достижения библиографов-пушкинистов прочно вошли в фонд отечественного пушкиноведения; промахи же и ошибки теперь, столетие спустя, уже могут быть объяснены причинами далеко не только личного свойства. Относясь с полным вниманием и уважением к мнениям современников, осуждавших издательские принципы «библиографизма», мы, тем не менее, обязаны выяснить, являются ли они вполне справедливыми с сегодняшней точки зрения. Нам представляется, что издания сочинений А.С. Пушкина, предпринятые Я.А. Исаковым, и вышедшие под редакцией Г.Н. Геннади, при всех их композиционных ошибках, являются серьезной вехой в деле создания полных и богато прокомментированных изданий русских писателей. В сущности, это первые издания, по типу приближающиеся к академическим. Работая наощупь, почти вслепую, не имея предшественников в этом деле, Г.Н. Геннади представил пушкиноведению богатейшую россыпь материалов, которая затем была использована более опытными исследователями. Об этом следовало бы помнить.

Примечания и список использованной литературы

- ¹ Русский архив. — 1888. — Кн. 3. Вып. 9. — С. 176.
- ² Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. — 1955. — Т. 2. — С. 25.
- ³ Русское слово. — 1859. — № 5. — С. 62—67 (отд. 2).
- ⁴ Современник. — 1859. — № 3. — С. 82—86 (отд. 3).
- ⁵ Русское слово. — 1860. — № 5. — С. 55 (отд. 2).
- ⁶ Библиотека для чтения. — 1860. — № 5. — С. 11—12.
- ⁷ Современник. — 1860. — № 4. — С. 405 (отд. 3).
- ⁸ Литературное наследство. — 1949. — Т. 49/50. — С. 344.
- ⁹ Современник. — 1863. — № 3. — С. 123—128 (отд. 2).
- ¹⁰ Русский архив. — 1867. — № 5/6. Стб. 921—952.
- ¹¹ Книга печаталась в Германии, без надзора автора, без русского корректора и т. п.

- ¹² Фр. *pleureuses* (от *pleurer* — плакать) — траурные нашивки на платьях.
- ¹³ *Равич Л. М.* Геннади. — М., 1981. — С. 111.
- ¹⁴ Современник. — 1858. — № 1. — С. 29 (отд. 2).
- ¹⁵ Очерк истории текстологии новой русской литературы // Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. — Л., 1962. — С. 32.
- ¹⁶ Там же. — С. 35.
- ¹⁷ *Иваск У. Г.* Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов. — М., 1913. — С. 34.
- ¹⁸ Современник. — 1860. — № 12: Свисток. № 6. — С. 40—43. Сводку отзывов об издании А. С. Пушкина см.: *Иваск У. Г.* Указ. соч. — С. 33—35.
- ¹⁹ Литературное наследство. — 1949. — № 49/50. — С. 309—310.
- ²⁰ Русское слово. — 1860. — № 5. — С. 56 (отд. 2).
- ²¹ Вестник Европы. — 1871. — Т. 3. Кн. 6. — С. 918.
- ²² Вестник Европы. — 1881. — Т. 1. Кн. 2. — С. 901, 915.
- ²³ Там же. — С. 916—917.

